

Как бы ни называли картины Сальвадора Дали — «мазней», «грустным бредом» или «восхитительными творениями величайшего мастера эпохи», — они притягивают к себе, манят, дразнят воображение. И остаются пленительной загадкой. Над которой тщетно бьются ученые-искусствоведы, пачками выпускающие монографии о знаменитом сюрреалисте. А может быть, разгадка творчества в личной жизни художника, столь же удивительной и неповторимой, как его полотна? Иначе не было бы такого яркого явления в искусстве XX века, как Сальвадор Дали.

Тайная жизнь Сальвадора Дали

13 мая - 90 лет
со дня рождения великого художника

Как бы вы, читатель, готовились к встрече с женщиной, которую лишь вчера впервые увидели и, разглядев, бесспорно решили: «Я хочу только ее. Хочу на всю оставшуюся жизнь».

Вы еще успеете подумать над ответом на этот вопрос. Пока же узнайте, как поступил в такой ситуации молодой человек 25 лет, художник. Он взял самую красивую свою рубашку, отрезал низ, потом разорвал в трех местах, чтобы были дыры, откомсал воротник. Поскольку встреча предстояла на пляже, он надел плавки, но вывернул их грязной хлопковой изнанкой наружу. До синевы выбрил подмышки, нечаянно порезался и умышленно размазал кровь по телу. За ухо сунул цветочек герани. Закончив, решил уместить себя духами собственного изготовления. Он сварил рыбий клей, кинул в него горсть козьего помета, вскипятил, добавил несколько капель лавандового масла. Варевое шибало запахом козла — то, что надо! Натерся, подошел к окну, смотрящему на пляж, и обнаружил: Она уже там! Вся — сочетание стройного торса, осиной талии и нежных бедер! Его охватило желание — отмыться, избавиться от удушающей вони, источаемой собственным телом, и обладать этой женщиной.

Так в судьбу испанца Сальвадора Дали навсегда вошла Галя — русская жена французского поэта Поля Элюара. Супруги приехали навестить художника, уже известного и необычными картинами, и необычностью поведения. Он мог, например, с помощью стального лака смастерить себе прическу, напоминающую граммофонную пластинку, положенную на голову. Или: опуская в виски банковские билеты и с удовольствием наблюдая, как они размокали. Или: отправившись в Париж, попросил водителя такси показать ему бордели. «Если внутреннее убранство борделей очаровало меня, — признался он позже, — то девушки — наоборот... К этим я не притронулся, пообещав себе, увидев их появляющимися одна за другой, заспанных и перепуганных, как будто их только что подняли с постели».

Может быть, не вульгарный вид девушек остановил Дали, а нечто иное? В своей книге «Тайная жизнь» он приводит картинку из детства: пятилетним мальчуганом Сальвадор гуляет с тремя хорошими дамами, причем одна из них ему очень нравится. И вдруг... «Наклонив голову, она раздвигает ноги, при этом изгибно подбавляя юбки до высоты бедер. В полной тиши».

не проходит почти минута, как вдруг сильная струя бьет из-под юбок, тотчас образуя между ее ногами пенный островок... Галя под вуалью так поглощена, что не замечает моего остолбенелого внимания. Дамы хохочут. Еще две струи орошают почву... Мне ужасно стыдно...»

Трудно сказать, есть ли связь между этим эпизодом и последующим долгим, даже в юности, отказом от близости с ровесницами. Однажды его, подростка, соблазнила дочь служанки, и он, лежа на ней, искал глазами какой-нибудь тяжелый предмет, чтобы ударить ее. Студентом познакомился с девушкой, ассистенткой профессора; в первый же день повел ее в поле, где она, «очень белая, с красивыми грудями», бросилась наземь, растянувшись во весь рост, но все ограничилось поцелуями, что вызвало в ней горькое разочарование. Тем не менее их свидания довольно часто повторялись на протяжении пяти лет, он «вдыхал тонкий запах пота из ее подмышек, напоминавший смесь гелиотропа, овцы и жареного кофе», целовал, гладил груди и просто смотрел в глаза. Больше ничего не происходило. И еще ему нравилось унижать ее, оскорблять, доводить до слез.

Наслаждение он получал другим способом. О его существовании догадывался давно. И вот однажды в общественном туалете, прислонив к стене тросточку, с которой не расставался, он попробовал, как напишет позже, «это». Особого удовольствия не испытал, тем не менее время спустя процесс повторился. Теперь, возвращаясь домой, запирался в туалете и занимался «этим», день ото дня все более совершенствуясь. Отныне он не давал себе зарок: мол, в последний раз. Отнюдь! Сказал себе: «Только по воскре-

сеньям!» Удовольствие приносило и ожидание, и сам акт онанизма, завершившийся приятным головокружением.

В Париже Дали мотался по бульварам, надеясь подцепить какую-либо красавицу. Он полагал, будто все женщины, фланирующие по улицам, одержимы таким же эротическим желанием. Увы! Наконец выбрал в отчаянии одну дурнушку, преследовал ее несколько часов, напугав, вероятно, настойчивостью, но она сбежала. Вернулся в гостиничный номер. Ноги гудели от усталости, однако он встал перед зеркальным шкафом и, перебирая в памяти ярких и недоступных женщин, увиденных в течение дня, воображал себе то, чего желал от каждой из них. «Смертельно изнуряя себя четверть часа раздраженной рукой, — сообщает Сальвадор Дали в книге «Тайная жизнь», — я наконец с животной силой вызвал последнее наслаждение, смешанное с горькими слезами. Сколько было женских лжек в Париже! И ни одну я не заполучил в свою кровать...»

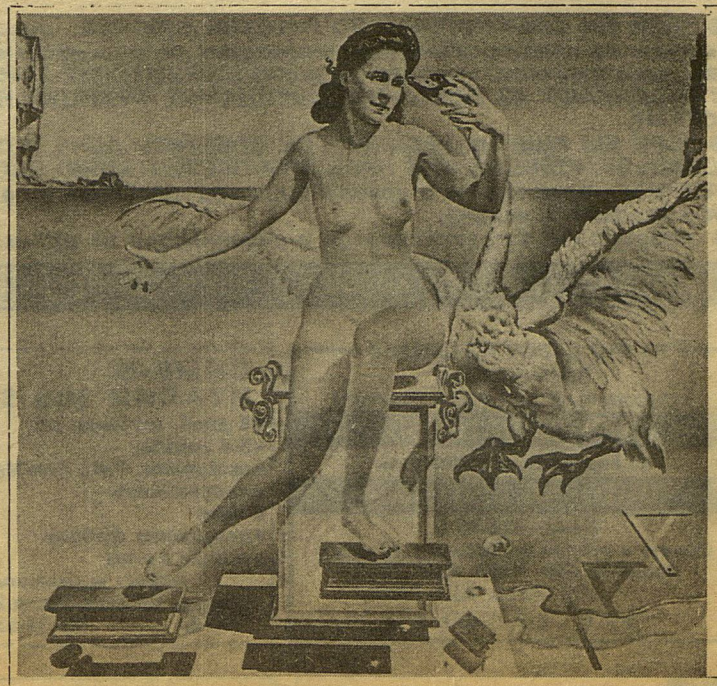
Художник буквально охотился за ними, в кафе и ресторанах пытался завязать флирт. Иногда ему вроде бы это удавалось, но когда следовало сделать соответствующее предложение, всякий раз оказывалось, что дама — совсем не его идеал, и он уходил один.

Его стали преследовать галлюцинации. Однажды поутру в собственной спальне ему привиделась женщина в ночной сорочке — ее формы были столь прельстительны! В воспаленном мозгу стали разыгрываться странные фантазии. Вот, положим, он разговаривает с кем-то и представляет, что на голове собеседника сидит маленькая сова, а на голове у совы — его, Сальвадора Дали, дерьмо, выдавленное минутой раньше. Подобные картины вызвали у него затяжные приступы смеха, повергавшего окружающих в недоумение.

В этот период и наведались к нему Поль и Галя Элюар. Она была старше Дали на четырнадцать лет, но любовь, вспыхнувшая между ними, не желала расчетов и сравнений. Случалось, они расставались, вновь встречались. И хотя Галя, по словам художника, излечила его, порою ему хотелось бежать от любимой. Как-то он забрел в табор, очутился среди грудастых цыганок. И эти гигантские груди, и огромный зад цыганки, склонившейся над костром, так воспламенили его, что он спрятался и вновь предался одинокому удовольствию.

Тем не менее после смерти Гала в 1982 году (ей исполнилось 92, а ему — 78) он решил больше не вставать с постели, не есть. Его пытались кормить насильно, Дали вырывался, кричал, прогонял врачей и прислугу. Его вес уменьшился до 46 килограммов, — Дали добровольно разрушал себя, постоянно думая о Гале.

Но до разлуки навечно было еще далеко. Они жили по-разному: то в роскоши (когда успешно продавались картины знаменитого художника-сюрреалиста), то в бедности, и тогда Галя отправлялась в обход парижских фирм — она предлагала им не живопись и графику мужа, а его изобретения. Он многое изобретал: искус-

Атомная Леда

ственные ногти с маленькими зеркальцами, в которые можно смотреться; прозрачные манекены для витрин — в них наливали воду, в которой, имитируя кровообращение, плавали рыбки; туфли на пружинках для облегчения ходьбы; вращающиеся скульптуры-вентиляторы; дополнительные фальшивые груди на спине; платье с накладными фальшивыми деталями, с анатомической точностью соответствующими тому, что внутри, — чтобы создать образ женщины, отвечающей эротическим представлениям мужчин... Фирмы от проектов Дали отказывались, и Сальвадор сетовал: «Кокаин, героин, алкоголь и педерастия, повсюду кокаин, героин, пьянствография, опиум и педерастия стали средством достижения легкого успеха».

И в трудные времена он держался правил, позимствованных у жены: как только начинают таять деньги, надо увеличить чаевые; лучше лишиться чего-нибудь, чем приспособливаться; можно не есть, но нельзя есть плохо... Зато едва дела шли в гору, он нахлестывал свою фантазию, чтобы быстрее добраться до вершин бытия. Очевидцы, например, вспоминают спектакль, устроенный Дали на открытии выставки сюрреалистов в Лондоне. По его просьбе взяли напрокат водолазный скафандр. Он облачился в него и, держа на поводке двух белых борзых, двинулся к трибуне. Его посадили перед микрофоном — говорить речь. Но как говорить через стекло скафандра? Вдобавок художник начал задыхаться. Никто не знал, как снять скафандр, в котором уже не оставалось воздуха. Наконец разбили стекло молотком. Публика взорвалась аплодисментами, решив, что все так и задумано, — ведь это же Сальвадор Дали!

В Нью-Йорке, где с успехом прошла его выставка, американские друзья организовали в честь художника сюрреалистический бал. Светские дамы появились на нем совершенно обнаженными, но в шапочках. Иные разрывали себя ужасными ранами и навтыкали в кожу булавки. Мужчина в окровавленной ночной сорочке нес на голове тумбочку, заполненную стаей птиц. Галя была одета «очаровательно».

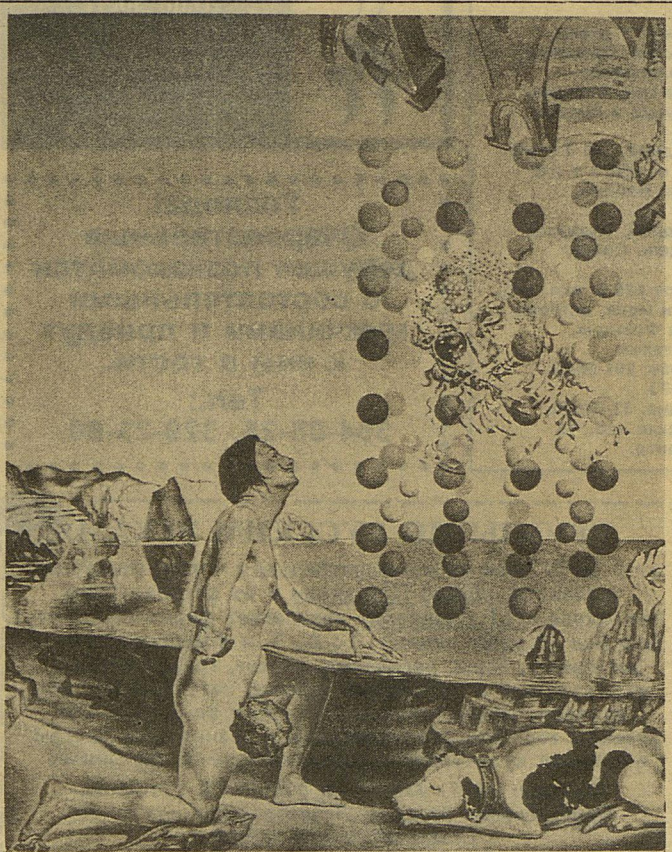
на голове у нее находилась кукла, изображающая ребенка с животом, изъеденным муравьями, и с черепом, раздираемым фосфоресцирующим омаром...». Галя была одета «очаровательно».

Если верить современникам, даже парижские измены Гала он обращал себе на пользу. Движимые ли искренним чувством, убажывая ли самолюбие (представьте себе — жена Дали!), ее домогались многие молодые люди из их окружения. И она порою не отказывала им, но при непременном условии: «Не бесплатно, дорогой мой, но бесплатно!» Так ли было в действительности или то плоды злословия, но, сообщая один из авторов мемуаров, Дали, удивляя общество, относился к таким изменам спокойно. Может, уже исполнилась его давняя мечта — обнаженная светская дама, усыпанная драгоценностями и в пышной шляпе, наконец-то бросилась к его ногам? И он считал, что достиг того, чего желал?

Была ли это Галя? Возможно. Иначе отчего бы после ее смерти и он пытался покончить с собой? Отчего бы фотомонтаж, где — он и Галя, Дали держал возле кровати и, когда его, умирающего, фотографировали, настаивал, чтобы фотомонтаж обязательно попал в кадр?

Предвидя, что кто-то из читателей может и упрекнуть автора, почему не о творчестве художника тут речь, скажем следующее: да ведь и книга-то мемуаров Сальвадора Дали называется «Тайная жизнь». Что же касается творчества, процитируем строки из указа короля Испании Хуана Карлоса I: «Учитывая заслуги и обстоятельства жизни уникального художника Сальвадора Дали Доменеча, произведения которого являются одним из выдающихся творений нашего времени... я дарую ему титул маркиза Дали де Пу-боля».

Он умер маркизом. Но художник — живет.

Автопортрет (обнаженный)